

К. С. Станиславский

В ЧЕМ ЕГО ГЕНИАЛЬНОСТЬ

М. Вечерняя Москва. 17/1 332.

Что такое гений?
Я не знаю, есть ли определенный теоретический ответ на этот вопрос, но практически есть.

Это — Станиславский.

Гений Станиславского не только в том, что Станиславский замечательный актер.

И не только в том, что он замечательный режиссер и мастер.

И даже не в том, что, как каждый большой художник, он знал на своем пути наряду с исключительными победами и сокрушающие поражения, что многие из его ошибок значительнее и плодотворнее иных побед и его, и других.

Гений Станиславского в том, что на рубеже двух столетий он — огромным творческим прозрением сообщил театру новую жизнь, новую пульсацию, новое качество.

Гений Станиславского в том, что ни один художник театра не может больше пройти мимо этого нового качества, что со Станиславским можно и должно спорить, можно и должно его преодолевать, но нельзя его миновать.

Это новое качество, сообщенное театру Станиславским, грубо и схематично можно обозначить одним словом: — правда.

Я знаю, что за много веков до Станиславского отдельные большие художники говорили о правде и утверждали ее своим искусством.

Я знаю также, что и отдельные актеры — и на Западе, и у нас и в далеком, и в близком прошлом — ставили правду во главу угла своего творчества. Но только Станиславский сделал правду неотъемлемой сущностью и качеством не отдельного художника или актера, а театра в целом, во всем разнообразии и единстве его социально-творческого существа.

Правда — слово само по себе как будто малоубедительное и неопределенное.

В самом деле, какая правда?

Правда жизни или правда театра?

Правда реальности или правда игры? Правда переживания или правда представления?

Правда абстрактная или правда конкретная?

Правда идеалистическая или правда материалистическая?

Как-будто понятие неопределенное.

Верно. Неопределенное.

Но определяющее.

После Станиславского разные художники, разные поколения, разные эпохи убежденно и убедительно, настойчиво и по праву ищут и будут искать, утверждают и будут утверждать эту правду каждый по-своему.

В своем утверждении каждый из нас может и должен частично или целиком принимать или опровергать правду Станиславского.

Это — жизнь, это — прогресс, это — социально неизбежно.

Но никто после Станиславского уже не сможет и не может сказать, что театру не нужна правда, что театр мыслим вне ее.

Такое утверждение прозвучало бы даже не афоризмом, а безнадежным и мертвым анахронизмом.

И еще.

Гений Станиславского не только в том, что он ввел правду в самое понятие театра в виде некоего абсолюта, но еще и в том, что он сам как художник всегда и абсолютно правдив.

Вот почему мы приветствуем в Станиславском не только исключительный талант и мастерство, не только его любовь к искусству, театру и актерству, но и его суровость, его непримиримость, его фанатизм.

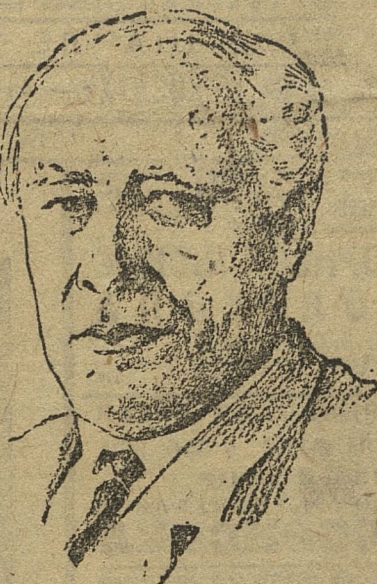
Вот почему сегодня, в день семидесятилетия его жизни и пятидесятилетия его творчества, мы любим его за его ошибки не меньше, чем за его прозрения.

Вот почему мы, быть может, даже больше любим его не тогда, когда мы ему аплодируем, а тогда, когда со страстью, убеждением и непримиримостью мы противопоставляем его правду иную, свою.

Александр ТАИРОВ.

ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ
70 ЛЕТ ЖИЗНИ И 50 ЛЕТ
ТВОРЧЕСТВА НАРОДНОГО
Артиста Республики
КОНСТАНТИНА СЕРГЕЕВИЧА
СТАНИСЛАВСКОГО

РЕЖИССЕРЫ МОСКВЫ О ЮБИЛАРЕ

В УРОВЕНЬ С НАШЕЙ ЭПОХОЙ

Невозможно в коротких словах вскрыть историческое значение Станиславского, который для каждого, кто испытывал величайшую радость работать под его руководством, являлся воистину «святым университетом».

Перебирая в благодарной памяти основные моменты, составляющие облик Константина Сергеевича как режиссера, учителя, видящего, что едва ли не самым существенным в раскрытии творческой природы Станиславского следует признать его высокую требовательность к делу искусства, требовательность суровую и безоговорочную.

Константин Сергеевич, отдавая себя целиком театру, требует и от других такой же жертвенности.

Пушкинские слова о «выскальзывающем художнике» деликом применимы к Станиславскому, вечно молодому, страстному, смело пролагающему новые пути, никогда не находившему полного удовлетворения в том, что он сделал на сегодня, и всегда бросающему прозорливый взгляд на завтра.

Поэтому-то так и радостно идти за Станиславским, что его дорога лежит через трудные перевалы в будущее — вечно новое.

И еще он — в неустанной, кипучей, напряженной борьбе за качество.

Раскрывая в театре правду и продолжая в этом смысле дело основоположника русского сценического реализма Щепкина, который впервые в театре стал «нетеатральным», Константин Сергеевич органически, всем существом своим, не терпит ничего поддельного, бутафорского, картонного.

Это высокое выскальчивание к себе и к другим, это бескомпромиссное служение своему делу и это отвращение к подделке, к приспособленчеству не только оближают Станиславского с нашей эпохой, но и делают его современным в полном смысле этого слова.

Он, суровый и великий мастер, — в уровень с великой и суровой эпохой. Станиславского можно измерять только ее гигантскими масштабами.

Н. БЕРСЕНЕВ.

НИ УТОМЛЕНИЯ, НИ УСПОКОЕНИЯ

К. С. Станиславский — это целая эпоха в истории театральной культуры.

Молодому театральному поколению необходимо хорошо знать эту замечательную личность, жизнь которой в искусстве полна огромного содержания, борьбы и побед.

Неутомимая энергия, щедро растрачиваемая в течение целого полувека в театре, непрестанное желание самосовершенствования в искусстве, непрерывное углубление закона творчества — какой заразительный пример для нас эта целостная личность в искусстве!

К. С. Станиславский учит нас высокой требовательности к себе как к художникам театра. Он всей своей жизнью в искусстве воспитывает в нас чувство величайшей серьезности к театру как к мощному орудию культуры.

К. С. Станиславский ненавидит верхотворство в сложнейшем и труднейшем мастерстве актера. Он подает нам пример исключительной самокритичности художника: К. С. за всю свою богатую творчеством, большими победами жизнь никогда не «зазнавался», и никогда успех не разоружал его и не останавливал его роста. Поэтому он и вырос в такого огромного мастера.

К. С. Станиславский — образец дисциплинированности в работе. Требуя дисциплины в театре от других, он 50 лет был образцом дисциплины в своем театре.

В творческой теории Станиславского много спорного с точки зрения иначе мыслящих на театре, но она последовательна до последней запятой с точки зрения тех идейно-творческих позиций, на которых К. С. в данное время стоит.

К. С. Станиславский не умеет останавливаться на полпути и если он усумнится в правильности этого пути, то ни одной минуты не задумается пересмотреть этот путь. Никакие 70 лет не останавливают его твердого шага. Он как художник не знает ни утомления, ни успокоения.

Все то, за что он берется, он делает во всеоружии мастерства. Когда он задумал написать книгу о своей жизни в искусстве, он отнесся к этой задаче с величайшей серьезностью художника, и не случайно, а в результате огромной работы книга «Моя жизнь в искусстве» написана с редким мастерством.

Станиславский часто говорит: любите театр, а не себя в театре. Так будем же учиться у Станиславского и критически осваивать огромную культуру, которую он создал, и в этой работе будем так же серьезны и неутомимы, как этот замечательный художник нашей современности.

Алексей ПОПОВ.